Максим Сергеевич МИХАЛЁВ,
кандидат юридических наук,
докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(Москва, Российская Федерация)
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

«Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-88-103

АННОТАЦИЯ. *Одним из наиболее значительных международных инфраструктурных проектов современности, без сомнения, является выдвинутая в 2013 году лидером КНР Си Цзиньпином внешнеполитическая инициатива «Один пояс, Один путь». Несмотря на то, что истинные причины, масштаб и долгосрочные цели этого глобального проекта Китая до сих пор окончательно не сформулированы, очевидно, что к настоящему времени «Один пояс, Один путь» превзошёл свои первоначально заявленные инфраструктурные и экономические ориентиры, превратившись, по своей сути, в амбициозный долгосрочный план продвижения китайской экономической модели по всему миру. С точки зрения китайских планировщиков, инициатива председателя Си способна в самом скором будущем предоставить платформу для гармоничного сосуществования и солидарного развития различных стран и целых цивилизаций, которые, оставаясь независимыми друг от друга политически и культурно, будут при этом взаимозависимы экономически и разделят общее стремление к гармоничному соразвитию. Принципы и идеалы, на которых, по мысли инициаторов «Одного пояса, Одного пути», должен строиться подобный цивилизационный диалог равных, требуют самого серьёзного внимания и тщательного изучения. К сожалению, в большинстве современных публикаций по данной теме анализ причин, целей и задач глобальной китайской инициативы осуществляется лишь на основе официальных документов китайского правительства и позиций тех экспертов в Китае, чьё мнение скорее отражает их собственное отношение к проекту «Один пояс, Один путь», чем является решающим в процессе внутренней китайской дискуссии по данному вопросу. Как представляется, такой подход не способствует формированию объективного понимания того, в каких условиях рождается и к каким последствиям может привести этот новый внешнеполитический ход Китая. В противоположность этому, в данной статье предпринимается попытка проанализировать истоки и интерпретировать цели «Одного пояса, Одного пути» через анализ дис-*

куссии, проходящей внутри Китая и не предназначенной для внешней аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Один пояс, Один путь», глобализация, экономическое развитие Китая, инфраструктурные проекты.

Общие положения

Формат: Внешнеполитическая стратегия

Когда в 2013 году руководитель китайского государства выступил с идеей воссоздания древнего Шёлкового пути, это послужило началом бурной дискуссии в экспертных кругах Китая. Специалистам предстояло сформулировать цели и задачи новой внешнеполитической инициативы председателя Си, подвести под неё концептуальную и историческую базу, а также определиться с временными рамками её реализации. Лишь в начале 2015 года публике наконец были представлены согласованные «*Концепция и План действий по реализации "Экономического пояса Шёлкового пути" и "Морского Шёлкового пути XXI века"*»[1]. Важно отметить, что в этом основополагающем документе новый глобальный проект Китая был окончательно обозначен как «Один пояс, Один путь» (далее в тексте – *ОПОП*). Подобное смещение акцентов с романтичного образа караванов с шёлком, спешащих сквозь зной древней пустыни, о которых говорил в своей ставшей исторической речи Си Цзиньпин, на безликую арифметику поясов и путей отразило произошедшее за время дискуссии осознание того, что отсылка к древнему «Шёлковому пути» – не более чем звучная метафора. Метафоры же хороши лишь для отдельных проектов, но становятся не слишком удобными тогда, когда речь идёт о национальной стратегии, ибо любые попытки свести стратегию к какому-либо конкретному региону или историческому периоду способны значительно затенить её глобальный масштаб.

В то же самое время именно новой внешнеполитической стратегией и стал за период, прошедший с 2013 года, «Экономический пояс Шёлкового пути». Именно это утверждает в своей статье «Стратегия "Один пояс, Один путь" как открытый план действий для великой страны» профессор Сю Ли, размышляя над попеременным использованием в китайской прессе слов «инициатива» и «стратегия» [Сю Ли, 2015: 68-79]. Он разъясняет, что, несмотря на то что по соображениям безопасности в настоящее время, как правило, в международных документах используется слово «инициатива», иностранные эксперты все равно будут судить Китай по делам, а не по словам, а потому не имеет смысла скрывать тот факт, что именно полноценной внешнеполитической стратегией, а не локальной экономической инициативой является в наши дни ОПОП[2].

Историческое значение: Смена гегемона

Если мы говорим о том, что ОПОП не является ни экономическим, ни

[1] Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XIX века» // http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm (Дата обращения: 15.11.2016).

[2] Эта же точка зрения подробно обоснована в статье Хо Цзяньго [Хо Цзяньго, 2015: 36-39].

политическим, ни тем более инфраструктурным проектом, а представляет собой новую глобальную внешнеполитическую стратегию Китая, то каковы, в таком случае, исторические предпосылки и истинный смысл её появления на свет? С точки зрения китайских экспертов, процесс глобализации, реализуемый по лекалам либеральной модели, под диктовку и во имя интересов коллективного Запада, хотя и был эффективен в своё время, не обладает более «моральным превосходством» и не отвечает интересам всего человечества[3]. Последним гвоздём, забитым в крышку символического гроба старой модели, стал, по их мнению, мировой финансовый кризис 2008 года, показавший со всей очевидностью, что западный мир не в состоянии больше диктовать моду в вопросах экономического развития человечества. В дальнейшем, по мере усиления неуправляемости политических процессов и с появлением на карте мира всё большего количества горячих точек, очевидной стала полная неспособность мирового сообщества отвечать и на геополитические вызовы. Таким образом, необходимость кардинального пересмотра базовой экономической модели была дополнена необходимостью изменения политической надстройки.

Стоит заметить в этой связи, что, в то время как безальтернативность глобализации китайскими экспертами, как правило, не оспаривается, они полагают, что в новых исторических условиях механизмы её осуществления и роли основных игроков должны быть пересмотрены, а правила игры и идеологическая основа адаптированы к требованиям времени. Именно эту задачу и призвана, по их глубокому убеждению, решить новая внешнеполитическая стратегия Китая. Выражаясь образно, Срединное государство благодаря успехам во внутренней и внешней политике, достигнутым за годы реформ, «выиграло тендер» на переустройство основательно прогнившей и потерявшей своё моральное превосходство системы международных отношений, основанной на западных идеологических постулатах. ОПОП, как несложно заметить, видится в таком контексте «дорожной картой» реформы сложившегося миропорядка, появление которой было предопределено самим ходом истории[4].

В то время как предпосылками появления ОПОП китайские эксперты называют назревшую необходимость смены парадигмы мирового развития, а также готовность и способность КНР идти во главе подобных перемен, историческое значение новой внешнеполитической стратегии страны видится им в том, что её успешная реализация окончательно обозначит новый статус Китая на международной арене – статус глобальной державы, способной не только и не столько отстаивать свои экономические и политические интересы в любой точке планеты, сколько взвалить на себя бремя ответственности за развитие и за благосостояние развивающихся стран мира. Как справедливо отмечают по этому поводу многие китайские эксперты[5], принятия именно этой роли в течение долгого

[3] Эту позицию, в частности, подробно разъясняет Ло Юйцзэ [Ло Юйцзэ 2016: 21-22].

[4] Довольно подробно предпосылки, движущие силы и последствия перехода инициативы в формировании мировой повестки дня от стран Запада к Китаю и другим развивающимся странам изложены коллективом авторов под руководством Лу Фэна [Лу Фэн и др., 2015: 9-34].

[5] Об этом, к примеру, неоднократно говорилось на Пятом Азиатском форуме «Один пояс, Один путь» и взаимовыгодное сотрудничество в Азии» [Сюй Яньчжо и Сю Ли, 2015: 108-112]

времени требовал от Китая Запад. При этом, напоминают они, взятие на себя таким образом значительной доли ответственности за судьбы мира с неизбежностью означает вхождение Китая в клуб мировых сверхдержав, и именно в достижении этого нового статуса видится им внутренний смысл реализации ОПОП[6].

Содержание: Экономическое развитие как идеология

Что же именно требуется в настоящее время народам Земли и что именно может предложить им современный Китай? Как ни странно, страна многовековой культуры и огромного духовного потенциала оказывается не способной удивить мир чем-то, кроме достигнутого за три последних десятилетия стабильного экономического роста. Это, однако, нисколько не обескураживает китайских экспертов, ибо, с их точки зрения, большинству людей в развивающихся странах мира требуется именно то, что провозгласил общечеловеческими ценностями Китай, и то, что китайцами обозначается как «общество средней зажиточности». Другими словами, спокойная, обеспеченная жизнь, уверенность в завтрашнем дне, стабильная политическая система, гарантирующая социальную справедливость. Что интересно, они также искренне уверены в том, что достичь всего этого развивающиеся страны могут лишь в рамках «социализма с китайской спецификой». Именно последний, по их убеждению, и должен прийти на смену устаревшей модели глобального капитализма и либеральной демократии, или, если быть более точным, дополнить их в том, где они показали свою недееспособность[7]. Стараясь не опускаться до навешивания идеологических ярлыков, для иллюстрации своей правоты китайцы предпочитают ссылаться на факты, и тут им сложно что-либо противопоставить. Действительно, именно китайская модель развития впечатляет страны третьего мира не только завидной экономической статистикой, но и эффективными методами достижения политической стабильности, которую в течение долгого времени удаётся поддерживать властям этой страны и которой многие развивающиеся страны могут лишь позавидовать.

По мысли китайских экспертов, из этого следует, что тем важным вкладом, который Китай может внести в копилку человечества, как раз и являются его теория и практика тотального, опережающего экономического развития, приспособленного к особенностям социально-политического устройства развивающихся стран. Социальная стабильность и благосостояние государства видятся им в качестве необходимого условия любого поступательного развития, а относительный материальный достаток и политическая пассивность граждан представляются ими его желательным следствием. Именно в том, чтобы донести до народов планеты свой рецепт справедливого и вместе с тем зажиточного общества, и видят китайцы глобальную историческую миссию КНР на современном этапе. Её, в свою очередь, призвана

[6] Следует отметить, что в КНР принято очень консервативно оценивать международный статус своей страны, и до настоящего времени распространённым является утверждение, что Китай является лишь экономической, но не политической сверхдержавой.

[7] В стремлении избежать идеологической конфронтации с США взаимодополняемость двух подходов подчёркивают многие китайские авторы, к примеру, Чу Инь и Гао Юань [Чу Инь и Гао Юань, 2015].

реализовать стратегия «Одного пояса, Одного пути»[8]. Таким образом, ОПОП в изложении китайских экспертов действительно видится как продуманная и своевременная внешнеполитическая стратегия, сутью, духом и методом которой при этом является именно экономика, возведенная в современном Китае практически в сакральный статус.

Экономический аспект ОПОП

Принцип: совместная работа

Хотя в отдельных статьях всё ещё встречаются отзвуки былой дискуссии, в настоящее время большинство китайских экспертов предпочитают утверждать: ОПОП не является китайской версией знаменитого плана Маршалла, причем делают это в последнее время все более энергично[9]. Главное отличие, как поясняют они, заключается в предполагаемом равноправном вовлечении сторон, или, другими словами, в том, что, в отличие от США, Китай не выступает с позиции безусловного гегемона и не предлагает своим партнёрам какую-либо единовременную финансовую или материальную помощь «с барского стола». Взамен КНР приглашает их вместе поработать над созданием общего светлого будущего, выражая не только готовность делиться с соседями своими секретами достижения экономического успеха, но и вкладывать в совместные проекты значительные ресурсы. В соответствии с выверенными формулировками официальных документов подобная стратегия инклюзивного развития звучит как «совместные консультации, совместное строительство и совместное использование» [Лю Вэйдун, 2015: 538-544]. Следует понимать, что большинство экспертов, конечно же, осознают риск того, что соседи могут неправильно истолковать замысел Китая или окажутся не способными воспринять и реализовать выдвигаемые им идеи в силу особенностей менталитета, исторической памяти или по каким-то другим причинам[10].

Метод: индивидуальный подход

Китайские эксперты понимают, что экономическая кооперация – далеко не новое слово в лексиконе развивающихся стран Азии, а потому стратегии ОПОП придётся отвоёвывать место под солнцем в условиях жесткого противостояния со стороны других интеграционных инициатив, уже реализуемых или пока ещё только существующих на бумаге. Конкурировать ни с какой из них китайцы, впрочем, не собираются, ибо основой своей собственной внешнеэкономической политики видят двусторонние (или, в крайнем случае, многосторонние) соглашения с отдельными странами региона[11]. При этом они никогда не настаивают на игре с нулевой суммой. Соответственно, ни

[8] Возможно, наиболее полно это понимание сформулировал Юй Хунцзюнь. См.: Юй Хунцзюнь. Эпохальная значимость и историческая ценность «Одного пояса, Одного пути» (于洪君. “一带一路”的时代意义和历史价值) // Huanqiu Finance, 04.05.2016 // http://finance.huanqiu.com/br/column/bj/2016-05/8854596.html (Дата обращения: 15.11.2016).

[9] В частности, на этом настаивает Ван Ивэй [Ван Ивэй, 2015: 9-27]. Довольно эмоционально высказывается по этому поводу и Чжан Юнлинь [Чжан Юнлинь, 2015: 28-31].

[10] Подробный анализ потенциальных проблем во взаимоотношениях с соседями и предложения по минимизации рисков приводит в своей статье Сю Ли [Сю Ли, 2015: 68-79].

[11] Некоторые эксперты, к примеру, тот же Хо Цзянго, предлагают при этом из всей совокупности потенциальных партнёров выделять самых надежных и сосредотачиваться на работе с ними, создавая истории успешного взаимодействия как пример для остальных.

продвигавшийся США проект Транстихоокеанского партнёрства (TTP), ни реализуемый под руководством России проект Евразийского экономического союза не тревожат китайских экспертов, занимающихся проработкой стратегии «Одного пояса, Одного пути». И если в отношении TTP большинство из них всё-таки признавало, что он представлял определённую угрозу, ибо задумывался во многом в рамках политики сдерживания Китая [Лу Фэн и др., 2015: 9-34], то процесс интеграции на постсоветском пространстве видится им скорее дружественным проектом, хотя и довольно непредсказуемым. Китайские эксперты в поисках компромисса иногда даже настаивают на том, чтобы ОПОП включал в себя любые альтернативные планы развития (при этом предпочитая говорить о сопряжении) – как уже взятые на вооружение различными государствами, так и находящиеся в разработке [Чэн Гоцян, 2015:14]. Свою выгоду Китай видит не в том, чтобы оттеснить другие инициативы, а в том, чтобы все они в конце концов реализовывались на платформе, предоставляемой КНР. Как итог, кажутся лишёнными основания страхи по поводу конфликта интересов Китая и России в Центральной Азии, ибо ЕАЭС, по большому счёту, служит в данном случае удобным каркасом для продвижения интересов ОПОП, в то время как последний, в свою очередь, наполняет Евразийский экономический союз жизнеспособным содержанием.

Базис: транспортные коридоры и частная инициатива

Практически все китайские эксперты по ОПОП подчёркивают важность глобальной транспортной и финансовой инфраструктуры для его успешной реализации. Это на самом деле не должно удивлять, ибо именно передовая инфраструктура обеспечила в своё время успешность модели внутреннего развития в самом Китае. И если создание Фонда Шёлкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций представляется китайским экспертам демонстрацией серьёзности намерений страны реализовать свою новую внешнеполитическую стратегию, то провозглашаемая в основополагающих документах ОПОП опора на транспортные коридоры развития представляется им настоящей находкой. Действительно, именно инфраструктурные оси, мощными лучами расходящиеся от границ Китая и пронзающие на своём пути стороны света[12], являются теми самыми векторами развития, на которые планируется в дальнейшем «нанизывать» все остальные экономические и культурные инициативы.

В то время как государство выражает готовность прорубать инфраструктурные «окна» в различных направлениях и содействовать реализации своей внешнеполитической стратегии масштабными инвестициями, основная нагрузка по наполнению её практическим содержанием, по мысли китайских экспертов, должна всё-таки лечь на плечи отдельных предприятий – как государственных, так и частных. Именно их усилиями Китай планирует добиваться экспорта своей модели развития, и именно от их удач и неудач на внешних рынках зависит успех ОПОП. Похоже, что этот акцент на индивидуальной инициативе вызывает самый большой скепсис в среде китайских экспертов. Некоторые из них полагают, что китайские компании бу-

[12] Можно отметить в этой связи такие проекты, как коридоры развития Монголия – Китай – Россия, Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, Китай – Пакистан и другие.

дут не в силах выполнить возложенные на них задачи по причине слабого понимания особенностей бизнеса за пределами Китая. Другие же считают, что в случае благоприятной ситуации на внутреннем рынке у предпринимателей не будет достаточной мотивации для того, чтобы откликнуться на призыв правительства к «выходу вовне – *цзоучуцюй*». В то же время отдельные эксперты, наоборот, выказывают опасения по поводу того, что вышедшие на внешние рынки компании будут проявлять слишком много инициативы и своими неуклюжими действиями там скорее приведут к созданию негативного образа Китая за рубежом, чем будут способствовать реализации его долгосрочных интересов[13]. Надо признать, что все эти опасения имеют под собой определенные основания, а стало быть, можно ожидать, что в дальнейшем, по мере увеличения важности успеха ОПОП для международного имиджа Китая, акценты могут сместиться в сторону более явного участия государства в процессах его реализации.

Цель: создание пространства общей судьбы

Несмотря на то что экономика является не только сутью новой стратегии Китая, но и не в меньшей степени основным инструментом её реализации, достижение чисто экономических целей мало заботит китайских экспертов. Более того, большинство из них, включая тех, кто по долгу службы должен был бы отстаивать экономическую эффективность проекта, довольно индифферентны к возможной прибыльности ОПОП, иногда отодвигая её на далекую перспективу, а иногда и вовсе не принимая её в расчет. Впрочем, подобная позиция свойственна скорее столичным экспертам, ибо, к примеру, представители провинциального Синьцзяна всерьёз рассчитывают на то, что повышенное внимание руководства страны к развитию бизнеса со среднеазиатскими соседями Китая будет способствовать экономическому буму в их конкретном регионе [Тан Лицзю и Му Шаобо, 2014: 19-24]. Справедливости ради следует заметить, что и некоторые столичные эксперты утверждают, что требуется прежде всего бескомпромиссно отстаивать сиюминутные экономические интересы Китая и предъявлять своим партнёрам жесткие требования по использованию и возврату инвестиций [Чжао Лэй, 2015: 2-9][14]. В массе же своей, однако, экспертами всё же предлагается заранее смириться с неизбежными финансовыми потерями от осуществления политики экспорта модели развития и сосредоточиться на глобальных целях, которые она, как следует из их слов, преследует [Ван Ивэй, 2015: 9-27].

В чём же именно в таком случае заключается далеко идущий интерес Китая, который действительно готов делать серьёзные инвестиции в реализацию ОПОП, если экономической прибыли от этих вложений в ближайшей перспективе никто не ожидает? Представляется, что, с точки зрения большинства специалистов, действительный экономический интерес КНР состоит не в завоевании внешних рынков, а в виртуальном «увеличении» за их счёт рынка внутреннего. При этом,

[13] Если к условным оптимистам можно причислить представителей экономического блока, таких как Хо Цзяньго, то к пессимизму больше склонны представители партийных кругов. Так, свои опасения, к примеру, не стесняется высказывать Чжао Лэй из Партийной школы ЦК КПК [Чжао Лэй, 2015: 2-9].

[14] В этом они, кстати, солидарны с общественным мнением внутри страны.

с точки зрения большинства современных идеологов Срединного государства, участниками такого расширенного внутреннего рынка будут являться все страны, воспринявшие модель экономического развития, которую предлагает им в качестве образца Китай, и согласившиеся, таким образом, играть в глобализацию по его новым правилам. Этот процесс получил у современных экспертов наименование «создание пространства общей судьбы» [Юй Хунцзюнь, 2016], однако он мог бы с таким же успехом называться возрождением системы данничества, которая, как известно, действовала на основе принципа взаимной любезности и составляла основу внешнеэкономической политики Китая в средние века. Сутью её было умиротворение соседей и утверждение на сопредельных территориях «мягкой», культурной гегемонии Китая. Интересно, что, по причине не слишком приятных исторических ассоциаций, упоминание системы данничества является в дискуссии по проблематике ОПОП в самом Китае табуированным, но при этом оно иногда встречается на страницах экспертных докладов китайских ученых, работающих за рубежом[15].

Цивилизационный аспект ОПОП

Стратегия: победа без столкновений

У наблюдающих за развитием «Одного пояса, Одного пути» зачастую вызывает удивление, почему Китай так упорно стремится избегать обсуждения гарантий безопасности и вопросов военного сотрудничества со странами, вовлечёнными в его реализацию. Несмотря на то что маршруты инфраструктурных коридоров проходят по территории, возможно, самых взрывоопасных регионов планеты и при этом ни одно из государств-партнёров не даёт стопроцентных гарантий безопасности китайским компаниям, тема эта, похоже, ничуть не волнует ведущих экспертов, и они упоминают о ней в своих рассуждениях лишь вскользь. Как представляется, объяснением здесь служит та же доктрина умиротворения варваров, что использовалась при осуществлении системы данничества. Ключевые её положения подразумевали, в частности, что лицезрение морального величия Срединной империи само по себе способно вызвать у соседей благоговейный трепет, а потому во взаимоотношениях с теми из них, кто выразил искреннее желание сотрудничать, не следует полагаться на военную силу. Как представляется, именно по этой причине Китай, вопреки опасениям многих его соседей, не строит планов проецирования военной мощи за пределами своих границ – ни в целях экспансии, ни в целях защиты своих коммерческих интересов. Не строит не потому, что придерживается пацифистских позиций, а в связи с тем, что считает войну уделом государств, не способных завоевать сердца соседей превосходящей силой своей культуры.

В этой связи стоит также отметить, что у китайских экспертов практически отсутствует опасение по поводу возможного проникновения на территорию их страны идей радикального ислама, экстремизма и пантюркизма. Между тем, принимая во внимание родственные связи народов Синьцзяна и республик Средней Азии, а так-

[15] См.: Чжэн Юннянь. Стратегия «Один пояс, Один путь» (郑永年. 一带一路大战略.) // Financial Times March 23, 2015.

же активное участие в делах региона Турции, такая опасность на самом деле существует, и её, конечно же, нельзя недооценивать. По всей видимости, низкий уровень тревожности по этому поводу в среде китайских экспертов также объясняется их уверенностью в своём моральном превосходстве над потенциальными конкурентами.

У многих вызывает искреннее удивление и то, что Китай, и это хорошо заметно по общему тону экспертных комментариев, всеми силами старается избежать конфронтации с откровенно агрессивно настроенными по отношению к нему Соединёнными Штатами Америки. Думается, что для понимания этой позиции полезно будет обратиться к опыту китайских боевых искусств. Даже среди традиционного разнообразия направлений боевого ушу стиль *багуа-чжан* выделяется своей экзотичностью, ведь непосвящённому кажется, что практикующий его боец озабочен лишь тем, чтобы уклониться от атаки противника, при этом постоянно обходя его по кругу. Действительно, в *багуа-чжан* подробнее всего тренируют именно этот навык избегания, однако на самом деле конечной целью всего этого процесса является достижение стратегически верной позиции – сбоку или сзади нападающего. После того как обороняющемуся удаётся занять такую позицию, судьбу схватки решает всего один точно поставленный удар в незащищённую спину атаковавшего. Представляется, что с геополитической точки зрения «Один пояс, Один путь» в своём двуединстве сухопутной и морской составляющих являет собой пример именно такой стратегии избегания, когда задачей обороняющегося Китая является выход на подготовленный удар в спину.

Действительно, с одной стороны, большей частью китайских экспертов признаётся, что ОПОП являет собой асимметричный ответ на политику сдерживания Китая, которую проводят США, реализуя свой план создания Транстихоокеанского партнёрства[16]. КНР, как справедливо отмечается в этой связи, практически не остаётся другого выхода, как искать необходимое поле для манёвра и строить «запасные аэродромы» в центральных районах Евразии. С другой, и это также подчёркивают многие эксперты, ещё одной задачей «Одного пояса, Одного пути» является становление Китая в качестве морской супердержавы, и именно эту цель должно подчёркивать наличие в окончательном тексте программы «Морского Шёлкового пути XXI века»[17]. Думается, что с точки зрения практикующего *багуа-чжан* эта кажущаяся парадоксальность парадоксальностью не является. В конце концов, для того чтобы обойти противника и нанести ему решающий удар сзади, требуется долго и упорно уходить от него по кругу, вводя в заблуждение своей ложной покорностью.

Позиция: Аполярный миропорядок

Китайский мудрец древности Лао-Цзы утверждал: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует». Возможно, именно так мыслят китайские эксперты, когда говорят о месте, которое Китай собирается занять в системе международных отношений, после выхода из описанного

[16] Подробному анализу геополитических предпосылок появления ОПОП посвящена, к примеру, статья Ши Чжаня [Ши Чжань, 2015: 3-19].

[17] О необходимости движения «от рек к морям» заявляет, к примеру, Ван Ивэй [Ван Ивэй, 2015:9-27].

выше окружения, умиротворить соседей и достичь наконец статуса, который, как считают китайцы, принадлежит им по праву, – статуса сверхдержавы. Держаться в тени и пребывать в скромности, являясь невидимым центром силы, – именно в этом и состоит китайское понятие лидерства, и подобная трактовка применима и в отношении мирового лидерства. Представляется, что именно так можно объяснить ещё одну кажущуюся парадоксальность китайской стратегии ОПОП. Провозглашая приверженность не просто многополярному, а скорее даже *аполярному* миру[18], они всерьёз претендуют на то, что именно Китай станет новым центром притяжения для всего развивающегося мира [Ду Дэбинь и Ма Яхуа, 2015: 1005-1014]. С точки зрения китайцев, именно невыразительное пребывание в тени и является показателем истинного превосходства, в то время как откровенное бравирование силой лишь демонстрирует сторонним наблюдателям отсутствие истинного авторитета. Настоящая сверхдержава всегда неприметна, уверены они, ибо наблюдает за ходом всех противоборств мира отчуждённо – из тихой бамбуковой заводи лишенного чёткой системы координат *аполярного* миропорядка.

Метод: Мягкая сила

В отличие от проблем коллективной безопасности, обсуждения которых китайские эксперты стараются, как правило, избегать, вопросу «взаимопроникновения сердец» они посвящают в своих размышлениях много места. Именно в этой области, как считают они, Китаю есть что предложить соседям. Впрочем, справедливости ради надо признать, что при этом они всё же не пытаются обойти стороной непростые вопросы исторической памяти и вызванного прошлым негативного восприятия соседями определенных особенностей Китая и китайцев. О прошлом стоит умалчивать, а вместо этого обрисовывать перспективы будущего, настаивают при этом китайские эксперты, предлагая забыть былые обиды и отложить разрешение текущих противоречий на более поздний срок [Лу Фэн и др., 2015: 9-34]. Будучи искренне уверенными в своей исторической правоте, они полагают, что Китай просто должен разъяснить свою позицию миру, и тогда миру не останется ничего другого, как признать его моральное превосходство. Именно по этой причине, как полагают эксперты, стоит интенсивнее продвигать за рубежом китайские язык и традиционную культуру, всеми силами поощрять научный и культурный обмен, а также развивать международную сеть мозговых центров, занимающихся Китаем вообще и проблематикой ОПОП в частности. Многие эксперты при этом предлагают особенно активно стимулировать образовательный обмен, приглашая как можно больше зарубежных студентов на обучение в университеты городов КНР в надежде, что те в конце концов подпадут под очарование китайской культуры.

Одной из целей ОПОП, как известно, провозглашается «союз сердец» народов развивающихся стран, и думается, что в данном случае это не просто красивые слова, а целенаправленная стратегия. Стратегия, направленная на покорение силой правды, а не силой оружия. В этой связи интересно отметить, что

[18] Интересно, что Россия при этом подвергается критике за то, что, как представляется китайцам, она преследует цель стать одним из полюсов, а не ратует за их полное отсутствие в системе международных отношений, как это делают они.

китайские эксперты, занимающиеся международной проблематикой, настойчиво призывают и самих китайцев к активному изучению культур других народов. Похоже, они прекрасно осознают, что культурное превосходство не является синонимом культурного невежества и тем более высокомерного снобизма, и стараются избежать исторических ошибок средневековых китайцев, считавших себя настолько выше других в культурном отношении, что полагали ниже своего достоинства учиться чему-либо у своих соседей.

Тактика: политическая толерантность

Если верить китайским экспертам, то истинная сверхдержава, кроме подчёркнутой скромности, отличается ещё и завидной политической терпимостью. В то время как ни для кого не является секретом, что глобализация по-американски подразумевает идеологическое подчинение «неизбежности курса на демократические перемены», Китай гораздо терпимее относится к проявлениям местной политической специфики, хотя иногда и сетует, что режимы, с которыми ему приходится иметь дело, слишком разнородны по своей природе [Чу Инь и Гао Юань, 2015: 90-100]. Вместо того чтобы унифицировать политическое поле вдоль осей ОПОП и подстраивать под свою картину мира сложившиеся в силу исторических и социальных причин те или иные политические конструкции, китайские эксперты предлагают вникнуть в механизмы их функционирования и принципы построения и даже, возможно, чему-то у них научиться. Советуют, другими словами, адаптироваться к окружающей их политической среде, хотя и осознают, что сделать это будет непросто. Некоторые в своей «идеологической раскованности» идут даже дальше, приветствуя любую политическую инициативу своих потенциальных партнёров. Надо признать, что с точки зрения представителей самих развивающихся стран всеядность подобного рода выгодно отличается от идеологизированной и в чем-то *тоталитарной толерантности* проамерикански и проевропейски настроенных эмиссаров, что, в свою очередь, вызывает на Западе нешуточную озабоченность[19]. Представляется, что за всем этим кроется не идейная бесхребетность, в чём в последнее время стало модным упрекать китайское руководство (в том числе и внутри страны), а завидная уверенность в собственной правоте. Немаловажно и то, что китайцы научились чётко разделять идеологию и экономику. При этом они абсолютно убеждены, что в современном мире именно последняя должна окончательно подменить собой первую. Стало быть, рассуждают они, не всё ли равно, какая именно политическая модель взята на вооружение в том или ином государстве, ведь общность экономических подходов двух стран в конечном итоге всё равно оказывается неизмеримо важнее.

Цель: пространство общих ценностей

Подводя итог, можно отметить, что необычно частое использование китайскими экспертами в ходе полемики по

[19] Тревога чувствуется, в частности, в словах легендарного Фрэнсиса Фукуямы. См.: Fukuyama F. China's road or the Western way: whose economic development model will prevail? // South China Morning Post, 14.01.2016. http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1901128/chinas-road-or-western-way-whose-economic-development-model (Дата обращения: 15.11.2016).

вопросам стратегии «Один пояс, Один путь» иероглифа *гун* (совместный, вместе, сообща) не является простой случайностью. Как уже было замечено в процессе анализа экономической составляющей ОПОП, именно совместная деятельность по созданию единой общности всех развивающихся стран и является истинной целью новой внешнеэкономической стратегии Китая. На самом деле это утверждение верно и в отношении геополитических целей ОПОП. Представляется, однако, что здесь речь уже идёт о создании общности культурно-цивилизационной, общности сердец, другими словами, приверженных одним и тем же ценностям. Что именно это за ценности, впрочем, пока не совсем понятно, ибо напряжённая работа по их формулированию и дальнейшему сопряжению все ещё впереди. При этом работа эта, как видится китайским экспертам, станет возможной как раз благодаря устойчивой экономической платформе, которую готов предоставить в распоряжение своих соседей Китай. Предоставить на безвозмездной основе, рассчитывая таким образом привязать к себе далёкие и близкие страны поначалу общностью судьбы экономической, а в дальнейшем и исторической. Надстройка следует за базисом, учили классики марксизма, и китайские лидеры этот урок усвоили.

Подводя итог, можно сказать, что, полагаясь на мощь экономики, неограниченную инициативу предпринимателей, привлекательность и адаптивность модели развития, Китай готов предложить развивающемуся миру объединиться на основе новых правил глобальной игры. В этом сценарии сам он готов играть роль неприметного лидера вновь создаваемого союза сердец, осознавая за собой моральное право и даже в чём-то моральное обязательство поправить изрядно пошатнувшийся в последнее время мировой порядок. В то время как основой этого порядка будет освобождённое от уз идеологии экономическое развитие, его плодами должна стать система общих интересов и общих ценностей, название которой ещё не придумано, но сущность которой уже, возможно, сформулирована. «“Один пояс, Один путь” ведет мир в “Евразийское столетие”», озаглавил свою статью китайский эксперт Ху Чжиюн[20], и, возможно, именно этими громкими словами можно охарактеризовать всю суть новой внешнеполитической стратегии КНР. В водовороте истории Китай разглядел свой шанс вернуть себе титул мирового гегемона, и он твёрдо намерен использовать весь свой культурный, политический и экономический потенциал, чтобы вместе со всеми желающими, готовыми присоединиться к его инициативе, строить мир на новых принципах и по новым правилам. Принципы и правила эти уже в общем и целом обрисованы в «Концепции и плане действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути», однако их адаптация на практике и последующая тонкая настройка всё ещё впереди. При этом проходить она будет, как нетрудно догадаться, в процессе «совместных консультаций, совместного строительства и совместного использования».

[20] Ху Чжиюн. «Один пояс, Один путь» ведет мир в «Евразийское столетие» (胡志勇. 一带一路引领世界进入“亚欧世纪”). 04.09.2015 г. // http://www.aisixiang.com/data/86458.html (Дата обращения: 15.11.2016).

Вместо вывода: Исторический шанс

Задача, надо признать, не из лёгких, и сами китайцы это прекрасно понимают. Несмотря на публикацию официальной программы действий, в экспертном сообществе Китая пока ещё не выработалось окончательного консенсуса по вопросу того, каковы причины и каковы последствия появления на свет ОПОП, в каком направлении и с какой скоростью предстоит двигаться стране, кто является её противником, а кто союзником, каким должен быть образ Китая на мировой арене и какое место должен занять там Китай в результате успешной имплементации «Одного пояса, Одного пути». Ответы на эти вопросы всё ещё требуют всестороннего обсуждения, и ОПОП предстоит пройти свой собственный путь проб и ошибок. Уже сейчас, однако, очевидно, что появление новой внешнеполитической стратегии Китая было действительно обусловлено самой траекторией развития человечества, в связи с чем всего через несколько лет после своего появления на свет «Один пояс, Один путь» прочно занял своё место в мировой повестке дня. Так случается лишь тогда, когда появление кардинально нового было предопределено всей логикой развития ситуации.

Думается, что именно по этой причине новая внешнеполитическая стратегия КНР в конце концов окажется успешной, несмотря на все трудности, что стоят перед ней в настоящее время и которые, в общем-то, не являются секретом и для китайских экспертов. Тут и противодействие со стороны нынешних гегемонов планеты, Соединённых Штатов Америки, и недоверие со стороны соседей, подпитываемое историческими обидами и грозящее раздавить саму возможность создания общей системы ценностей, и разнообразие укладов жизни, политических систем и концепций развития у потенциальных участников ОПОП, и недостаточное понимание самими китайцами сложности и многообразия мира. Всё это действительно присутствует, но тогда, когда история предоставляет уникальную возможность, все мелкие проблемы на пути к её реализации теряют своё значение. Китай показал свою способность выжидать – теперь вопрос лишь в том, сможет ли древняя и вместе с тем молодая страна совершить важный прыжок, к которому она на самом деле так долго готовилась. Сможет ли, другими словами, Поднебесная вновь стать законодателем партитуры и повести человечество в новую эпоху, исподволь определяя правила большой игры в глобализацию. Ответ на этот вопрос даст недалёкое будущее, а пока следует согласиться с мнением китайских экспертов и признать, что все предпосылки для успешного выполнения амбициозных целей у Китая имеются.

Библиография

1. Ван Ивэй. К вопросу о преодолении истории и традиции «Одного пояса, Одного пути» (王义桅. 论“一带一路”的历史超越与传承) // Frontiers. 2015. №5. С.19-27.

2. Ду Дэбинь, Ма Яхуа. «Один пояс, Один путь»: Геополитическая стратегия возрождения китайского народа (杜德斌，马亚华. “一带一路”：中华民族复兴的地缘大战略) // Geographical Research. 2015. №6 (34).

3. Ло Юйцзэ. Великое значение и исторический шанс «Одного по-

яса, Одного пути» (罗雨泽. “一带一路”的重大意义和历史机遇) // Hugang Jingji. 2016. №1.

4. Лу Фэн и др. Почему Китай? – Экономическая логика «Одного пояса, Одного пути» (卢锋等. 为什么是中国？——“一带一路”的经济逻辑) // International Economic Review. 2015. №3.

5. Лю Вэйдун. Содержание и научные вопросы стратегии «Одного пояса, Одного пути» (刘卫东. “一带一路”战略的科学内涵与科学问题) // Progress in Geography. 2015. №5.

6. Сю Ли. Дипломатические риски на пути реализации стратегии Китая «Один пояс, Один путь» (薛力. 中国“一带一路”战略面对的外交风险.) // International Economic Review. 2015. №2.

7. Сюй Яньчжо, Сю Ли. Заметки с Пятого Азиатского форума «“Один пояс, Один путь” и взаимовыгодное сотрудничество в Азии» (徐晏卓, 薛力. 第五届亚洲研究论坛“‘一带一路’与亚洲共赢”会议综述) // Southeast Asian Studies, 2015. №6.

8. Тан Лицзю, Му Шаобо. Синьцзян: создание ключевого района «Экономического пояса Шёлкового пути» (唐立久，穆少波. 中国新疆：“丝绸之路经济带”核心区的建构) // Journal of Xinjiang Normal University. Philosophy and Sociology. 2014. №2.

9. Хо Цзяньго. «Один пояс, Один путь» – это стратегический замысел, а не строительный проект» (霍建国. “一带一路”是战略构想不是工程项目) // China Science Investment. 2015. №8.

10. Чжан Юнлинь. Как следует понимать стратегический план «Один пояс, Один путь» (张蕴岭. 如何认识“一带一路”的大战略设计.) // World Affairs, 2015. №2. С. 28-31.

11. Чжао Лэй. Несколько ключевых вопросов по поводу «Одного пояса, Одного пути» (赵磊. 有关“一带一路”的几个关键性问题) // Theoretical Research, 2015. №5(331).

12. Чу Инь и Гао Юань. Три вопроса позиционирования китайской стратегии «Один пояс, Один путь» (储殷, 高远. 中国 一带一路 战略定位的三个问题.) // International Economic Review. 2015. №2.

13. Чэн Гоцян. О создании международной сети исследовательских центров «Одного пояса, Одного пути» (程国强. 构建“一带一路”国际智库网络) // Global Market Information Guide. 2015. №15.

14. Ши Чжань. Стратегия «Один пояс, Один путь» в контексте всемирной истории (施展. 世界历史视野下的“一带一路”战略) // Russian Studies. 2015. №3.

References

1. Chjen Gocjan. O sozdanii mezhdunarodnoj seti issledovatel’skih centrov «Odnogo pojasa, Odnogo puti» (程国强. 构建“一带一路”国际智库网络) // Global Market Information Guide. 2015. №15.

2. Chu In’ i Gao Juan’. Tri voprosa pozicionirovanija kitajskoj strategii «Odin pojas, Odin put’» (储殷, 高远. 中国 一带一路 战略定位的三个问题.) // International Economic Review. 2015. №2.

3. Chzhan Junlin’. Kak sleduet ponimat’ strategicheskij plan «Odin pojas, Odin put’» (张蕴岭. 如何认识“一带一路”的大战略设计.) // World Affairs, 2015. №2. S. 28-31.

4. Chzhao Ljej. Neskol’ko kljuchevyh voprosov po povodu «Odnogo pojasa, Odnogo puti» (赵磊. 有关“一带一路”的几个关键性问题) // Theoretical Research, 2015. №5(331).

5. Du Djebin', Ma Jahua. «Odin pojas, Odin put'»: Geopoliticheskaja strategija vozrozhdenija kitajskogo naroda (杜德斌，马亚华. “一带一路”：中华民族复兴的地缘大战略) // Geographical Research. 2015. №6 (34).

6. Ho Czjan'go. «Odin pojas, Odin put'» – jeto strategicheskij zamysel, a ne stroitel'nyj proekt» (霍建国. “一带一路”是战略构想不是工程项目) // China Science Investment. 2015. №8.

7. Lju Vjejdun. Soderzhanie i nauchnye voprosy strategii «Odnogo pojasa, Odnogo puti» (刘卫东. “一带一路”战略的科学内涵与科学问题) // Progress in Geography. 2015. №5.

8. Lo Jujczje. Velikoe znachenie i istoricheskij shans «Odnogo pojasa, Odnogo puti» (罗雨泽. “一带一路”的重大意义和历史机遇) // Hugang Jingji. 2016. №1.

9. Lu Fjen i dr. Pochemu Kitaj? – Jekonomicheskaja logika «Odnogo pojasa, Odnogo puti» (卢锋等. 为什么是中国？——“一带一路”的经济逻辑) // International Economic Review. 2015. №3.

10. Shi Chzhan'. Strategija «Odin pojas, Odin put'» v kontekste vsemirnoj istorii (施展. 世界历史视野下的“一带一路”战略) // Russian Studies. 2015. №3.

11. Sju Li. Diplomaticheskie riski na puti realizacii strategii Kitaja «Odin pojas, Odin put'» (薛力. 中国“一带一路”战略面对的外交风险.) // International Economic Review. 2015. №2.

12. Sjuj Jan'chzho, Sju Li. Zametki s Pjatogo Aziatskogo foruma «“Odin pojas, Odin put'” i vzaimovygodnoe sotrudnichestvo v Azii» (徐晏卓，薛力. 第五届亚洲研究论坛“‘一带一路’与亚洲共赢”会议综述) // Southeast Asian Studies, 2015. №6.

13. Tan Liczju, Mu Shaobo. Sin'czjan: sozdanie kljuchevogo rajona «Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti» (唐立久，穆少波. 中国新疆：“丝绸之路经济带”核心区的建构) // Journal of Xinjiang Normal University. Philosophy and Sociology. 2014. №2.

14. Van Ivjej. K voprosu o preodolenii istorii i tradicii «Odnogo pojasa, Odnogo puti» (王义桅. 论“一带一路”的历史超越与传承) // Frontiers. 2015. №5. S.19-27.

Maxim S. MIKHALEV,
Ph.D. in Law, Candidate for a doctoral degree at the Center for Asian and Pacific Studies of the .N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS (Moscow, Russian Federation)
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

"One Belt, One Road" Project as a new foreign policy strategy of China. Short analysis of the discussion inside China

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-88-103

ABSTRACT. *One of the most significant international infrastructure projects of our time is undoubtedly the foreign policy initiative "One belt, One Road" announced by China's leader Xi Jinping in 2013. Despite the fact that the true reasons, scale and long-term goals of this global project of China have not been definitively formulated yet, it is obvious the "One Belt, One Road" Project has surpassed its originally stated infrastructure and economic guidelines and become an ambitious long-term plan to promote the Chinese economic model around the world.*

From the point the Chinese planners the initiative of Xi Jinping is able in the near future to provide a platform for harmonious coexistence and solidarity between various countries and entire civilizations that while remaining independent from each other politically and culturally, will be economically interdependent and share a common desire for a harmonious co-development. The principles and ideals on which, to the mind of the initiators of the "One Belt, One Road" Project, such a civilizational dialogue of equals should be built, require the most serious attention and careful study. Unfortunately, in most modern publications on this topic, the analysis of the reasons, goals and objectives of the global Chinese initiative is carried out only on the basis of official documents of the Chinese government and the positions of those experts in China, whose opinion rather reflects their own attitude to the "One Belt, One Road" Project than is decisive in the process of internal Chinese discussion on this issue. It seems that this approach does not contribute to the formation of an objective understanding of the conditions under which this new foreign policy of China is born and to what consequences it could lead. In contrast, in this article, an attempt is made to consider the origins and to interpret the goals of "One Belt, One Road" Project through the analysis of the discussion taking place inside China which is not intended for the external audience.

KEYWORDS: "One belt, One Road", globalization, economic development of China, infrastructure projects.